Интегративные гуманитарные исследования / Integrative Humanities Research

Научная статья
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-3-575
УДК 94(571.620)»199»:316.6
Original article
EDN: ZACEJE

Конспирология как симптом социальной дезадаптации в 1990-е гг. на примере «заговора» против Бориса Ельцина в Хабаровском крае

Н.С. Воронцов[1], В.С. Шибаев[2]
[1]Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Российская Федерация
[2]Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского, Владивосток, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания психосоциальных механизмов адаптации общества в периоды радикальных трансформаций. Феномен конспирологического мышления, ярко проявившийся в России начала 1990-х гг., позволяет выявить глубинные процессы кризиса идентичности и мировоззренческого коллапса.

Цель – на основе анализа архивных документов выявить взаимосвязь между социальной дезадаптацией индивида и формированием конспирологической картины мира как деструктивной стратегии совладания с экзистенциальным кризисом.

Материалы и методы. Эмпирической основой исследования выступили материалы фонда Р-227 Комсомольского-на-Амуре городского архива – документы представителя Президента России в Хабаровском крае В.М. Десятова, включая послание руководителя местного отделения Демократической партии России Ю.А. Резниченко о якобы готовившемся в 1992 г. ритуальном покушении на Б.Н. Ельцина. Методологической базой исследования является сочетание историко-генетического метода, позволяющего реконструировать социально-политический контекст ранней постсоветской эпохи, с методами историко-психологической интерпретации текста, дающими возможность рассмотреть послание как исторический источник, фиксирующий состояние сознания в кризисной ситуации. Такой междисциплинарный синтез позволил реконструировать глубинные психосоциальные механизмы, лежащие в основе формирования конспирологической картины мира как дезадаптивной стратегии.

Результаты. Выявлено, что конспирологическое послание Ю.А. Резниченко представляет собой синкретический текст, в котором реальные социально-политические страхи эпохи (реванш номенклатуры, саботаж реформ, образ «коммунистического подполья») переплелись с эзотерическими мифами (мировое правительство, сакральные артефакты). Зафиксировано, что автор выстраивает бинарную оппозицию «мы/они», наделяя врага сверхъестественными чертами и приписывая себе роль «спасителя», обладающего тайным знанием. Показано, что подобное мифотворчество выполняет пара-адаптивную функцию, субъективно снижая тревогу и восстанавливая чувство контроля за счет полного отрыва от реальности. Сделан вывод о том, что конспирологическое мышление в условиях социального кризиса является деструктивной копинг-стратегией. Пример Ю.А. Резниченко иллюстрирует, как сочетание личностной предрасположенности (тревожность, подозрительность) и травматических социальных изменений приводит к регрессии психики и построению альтернативной реальности. Материалы исследования могут быть использованы для изучения механизмов радикализации общественного сознания в переходные эпохи и разработки подходов к социально-психологической адаптации в периоды реформ.

Ключевые слова: теория заговора; постсоветская трансформация; конспирология; социальная дезадаптация; копинг-стратегии; Б.Н. Ельцин; Хабаровский край; историческая психология; региональная история

Для цитирования. Воронцов, Н. С., & Шибаев, В. С. (2026). Конспирология как симптом социальной дезадаптации в 1990-е гг. на примере «заговора» против Бориса Ельцина в Хабаровском крае. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(3), 342-363. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-575

Conspirology as a symptom of social maladjustment in the 1990s: A case study of the “conspiracy” against Boris Yeltsin in Khabarovsk Krai

N.S. Vorontsov[1], V.S. Shibaev[2]

[1]Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation
[2]Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of this study stems from the need to understand the psychosocial mechanisms of societal adaptation during periods of radical transformation. The phenomenon of conspiratorial thinking, which vividly manifested itself in

Russia in the early 1990s, allows us to identify the deep processes of identity crisis and worldview collapse.

Purpose – to identify, based on the analysis of some archival documents, the relationship between an individual's social maladjustment and the formation of a conspiratorial worldview as a destructive coping strategy for dealing with an existential crisis.

Materials and methods. The empirical basis of the study comprises materials from Fund R-227 of the Komsomolsk-on-Amur City Archive – documents of Vladimir Desyatov, the representative of the President of Russia in Khabarovsk Krai, including a message from the head of the local branch of the Democratic Party of Russia, Yuri Reznichenko, concerning an alleged ritual assassination attempt on Boris Yeltsin being prepared in 1992. The methodological framework of the study combines a historical-genetic approach, which allows for the reconstruction of the socio-political context of the early post-Soviet era, with a historical-psychological interpretation of the text, which makes it possible to examine the message as a historical source that captures the state of individual consciousness in a crisis situation. This interdisciplinary synthesis has made it possible to go beyond the confines of conventional source criticism and to reconstruct the deep psychosocial mechanisms underlying the formation of a conspiratorial worldview as a maladaptive coping strategy.

Results. It was revealed that Reznichenko's conspiratorial message is a syncretic text in which the real socio-political fears of the era (the nomenklatura's revenge, sabotage of reforms, the image of a "communist underground") intertwined with esoteric myths (a world government, sacred artifacts). It is noted that the author constructs a binary "us/them" opposition, endowing the enemy with supernatural features and assigning himself the role of a "savior" possessing secret knowledge. It is shown that such myth-making serves a para-adaptive function, subjectively reducing anxiety and restoring a sense of control at the cost of a complete detachment from reality. It is concluded that conspiratorial thinking in conditions of social crisis is a destructive coping strategy. The case of Reznichenko illustrates how a combination of personal predisposition (anxiety, suspiciousness) and traumatic social changes leads to mental regression and the construction of an alternative reality. The research materials can be used to study the mechanisms of radicalization of public consciousness during transitional eras and to develop approaches for socio-psychological adaptation during periods of reform.

Keywords: conspiracy theory; post-Soviet transformation; conspirology; social maladjustment; coping strategies; B.N. Yeltsin; Khabarovsk Krai; historical psychology; regional history

For citation. Vorontsov, N. S., & Shibaev, V. S. (2026). Conspirology as a symptom of social maladjustment in the 1990s: A case study of the "conspiracy" against Boris Yeltsin in Khabarovsk Krai. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(3), 342-363. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-3-575

Введение

Период радикальной постсоветской трансформации в России 1990-х гг. традиционно исследуется с позиции приоритетного анализа политических и экономических изменений. Но не менее значимым аспектом эпохи является глубочайший кризис общественного сознания, вызванный распадом прежней идентичности, идеологическим вакуумом и шоком миллионов граждан бывшего Советского Союза. В этих условиях особую роль играли упрощённые модели объяснения реальности, среди которых центральное место занимают теории заговора, а конспирология зачастую выходила за рамки маргинального феномена и становилась симптомом, отражающим процессы коллективной травмы и дезадаптации.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных истории общества в 1990-х гг., проявления мировоззренческого кризиса на региональном и локальном уровнях по-прежнему остаются недостаточно изученными. Восполнить этот пробел позволяет введение в научный оборот исторических источников из местных архивов, которые раскрывают атмосферу страха, подозрительности и поиска «врага».

Цель исследования – на примере Хабаровского края в начале 1990-х гг. проанализировать, как общенациональный ментальный кризис преломлялся в сознании. В фокусе исследования – анализ теории заговора как дезадаптивной стратегии совладания (копинга), порожденной травмой социального слома, и анализ структуры конспирологического нарратива, впитавшего в себя реальные страхи и мифологемы ранней постсоветской эпохи.

Теоретическую базу исследования составляют работы, анализирующие состояние массового сознания в периоды социальных кризисов, [22], повседневные практики и всплеск интереса к мистике в позднесоветский и ранний постсоветский периоды [2; 23]. Важную роль играют исследования, посвящённые политической борьбе начала 1990-х гг. и конструированию образа врага. Д.П. Мочалов детально проанализировал феномен антикоммунизма в государственной политике 1991-1993 гг. [17], показав, как в официальном дискурсе формировались образы «коммунистического подполья» и

«номенклатурного реванша», создававшие питательную среду для конспирологии. Необходимым дополнением к общероссийским исследованиям выступают работы, посвященные региональному измерению постсоветской трансформации. Дальневосточные историки А.С. Ващук и С.Г. Коваленко неоднократно обращались к проблемам социально-политической обстановки в регионе, восприятии перестройки и распада СССР современниками, динамике надежд на социальную модернизацию и последующих разочарований, отношению к КПСС, взаимодействию власти и общества [3; 4; 12]. Ю.Н. Ковалевская в своих работах исследовала нарративы дальневосточников о 1990-х гг., а также влияние социальных трансформаций на повседневность и самоощущение [10; 11]. Данные исследования создают необходимый контекст и позволяют понять, как общенациональные процессы отражались в регионе.

Большое значение имеют психологические и социологические исследования природы конспирологического мышления. В работах А.Д. Казун, Р.Г. Ардашева и А.М. Прилуцкого конспирология рассматривается как упрощённая объяснительная модель (наивная герменевтика), коррелирующая с высокой тревожностью и сниженными аналитическими способностями [1; 8; 19]. Зарубежные исследования (M. Barkun, V. Swami, L. Stasielowicz) устанавливают связь веры в заговоры с дезадаптивными чертами личности, низкой самооценкой и мизантропией [24; 27; 28]. Особый интерес представляют концепция экзистенциальной угрозы (J. Van Prooijen), согласно которой конспирология активизируется при крушении привычного мира [30], а также подход к копинг-стратегиям Е.В. Суховой, рассматривающий асоциальные способы совладания со стрессом [21].

В целом в литературе сложились две основные трактовки конспирологического мышления: как продукта социальных кризисов (культурно-историческая) и как проявления личностных особенностей (индивидуально-психологическая). Они взаимно дополняют друг друга, позволяя совместить взаимодействие социального контекста постсоветской трансформации и индивидуальных психологических механизмов совладания.

Материалы и методы

Исследование построено вокруг конкретного случая (кейс-стади). Источниковой базой послужили материалы Комсомольского-на-Амуре городского архива (фонд Р-227 представителя Президента России в Хабаровском крае В.М. Десятова), содержащие большой массив документации о политической обстановке в регионе, включая обращения, жалобы и послания политически активных граждан. Среди них следует отметить послание председателя Хабаровского отделения Демократической партии России Ю.А. Резниченко Президенту России Б.Н. Ельцину, датированное 25 марта 1992 г. С опорой на материалы из фонда В.М. Десятова воссоздается социально-политическая обстановка в Хабаровском крае в 1991-1992 гг., позволившая выявить типичные страхи и опасения (саботаж реформ, намеренный срыв теплоснабжения, реванш прежних партийных руководителей), ставшие питательной средой для конспирологии. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий исторический анализ источника с психологической интерпретацией, где ключевым понятием выступает дезадаптивная стратегия совладания, т.е. совокупность действий и когнитивных искажений, которые, будучи направленными на снижение стресса, приводят к ухудшению социального функционирования и отрыву от реальности. Конспирологическое мышление рассматривается как форма регрессии психики. При историко-психологической интерпретации текста использовались следующие критерии: наличие бинарных оппозиций с выраженной моральной оценкой («мы/они», «добро/зло»); приписывание противнику сверхъестественных возможностей; конструирование причинно-следственных связей между событиями, не имеющими объективной взаимосвязи; позиционирование автора как обладателя тайного знания; использование эзотерической лексики, обращение к ритуальным практикам.

Результаты и обсуждение

В периоды социальных кризисов сознание проходит через серьезные испытания. Регрессия психики, одним из проявлений которой выступает переход от рационального мышления к магиче-

скому, является типичной реакцией на бурно изменяющуюся среду. Магическое мышление присуще всем, но в кризис, при проблемах адаптации, оно выходит на передний план. Одной из наиболее распространённых форм магического мышления является конспирологическое мышление, характеризующееся поляризацией социального пространства на два непримиримых лагеря («мы» и «они») с бинарными моральными качествами и редукцией сложной социальной каузальности к противостоянию этих лагерей [9].

Исследователи конспирологического мышления отмечают его ключевую характеристику: объяснение генезиса общественно значимых явлений действиями некой сверхвлиятельной группы, заинтересованной в их создании [8]. Субъект такого мышления полагает, что благодаря обладанию эксклюзивной информацией ему открыта подлинная причинность событий, недоступная «непосвященным». Мир, согласно этому воззрению, не знает случайностей [24].

Как отмечал Е.В. Субботинский, человек на эмоциональном уровне может принять внушенную идею и действовать в соответствии с ней, даже осознавая ее неверность [20]. Однако при социальной дезадаптации с регрессией к паранойяльным формам критическая функция сознания блокируется, поисковые стратегии подчиняются подтверждению исходной гипотезы, формируя замкнутую, не фальсифицируемую картину мира [8].

Конспирологические убеждения более свойственны людям с высокой тревожностью, низкой самооценкой и менее развитыми аналитическими способностями. Эмпирические исследования показывают, что такие аспекты личности, как «необычные убеждения и переживания» и «подозрительность», значимо предсказывают веру в теории заговора [28]. К коррелятам также относятся низкая самооценка, мизантропия [25; 27], сниженный уровень просоциального поведения и доверия к науке [29]. В отечественной традиции носители конспирологического мышления зачастую характеризуются как маргиналы со статусом ниже среднего [1].

Почему же конспирологическое мышление не является редкостью? Его герменевтическая функция позволяет объяснять сложные

процессы на доступном для массовой аудитории уровне, предлагая простой и информативный нарратив [19]. Это особенно востребовано в эпоху постмодерна [7].

Таким образом, конспирологическое мышление можно рассматривать как деструктивную копинг-стратегию [21]. Парадоксально, но то, что мы определяем как дезадаптацию (мешающую здоровым отношениям), для конспиролога является «пара-адаптацией»: простые объяснения сложных процессов делают его «избранным», обладающим тайным знанием. Механизм «захвата» выглядит так: асоциальные черты личности создают зону угрозы, которая расширяется по мере трансформации значимых социально-политических конструкций, воспринимаемой как «экзистенциальная угроза» [30]. Нарастающая регрессия психики ведет к поиску простых объяснений, которые дает конспирология. Погружение в нее запускает автокаталитический процесс: психика находит все больше подтверждений, критическое мышление уступает, поиск направлен на новые «факты». Постепенная отчуждаемость социального окружения конспиролога сопутствующая деформации его критического мышления приводит к появлению ощущения элитарности и сверхценности имеющегося знания, что, в итоге, не дает человеку шанса вернуться в критическое поле окружающей действительности. Подобные процессы склонны автокаталитически усиливать сами себя по мере усиления каждой из составных частей данного процесса.

Призрак «реванша» в ранней постсоветской России как катализатор конспирологического мышления

Конец 1991 – начало 1992 гг. стали для России переломной точкой, в которой сошлись разрушение политических институтов Советского Союза, распад прежней системы ценностей и социальных ориентиров для миллионов граждан бывшего СССР [2, с. 89]. На фоне идеологического вакуума, образовавшегося после запрета КПСС, политическое руководство страны конструировало образ врага, необходимый для легитимации противоречивых реформ. Таким врагом вполне закономерно стало готовящее реванш «коммунистическое подполье». Основанием для подобных страхов по-

служило и состояние бюрократического аппарата новой России, по большей части укомплектованного бывшими советскими и партийными работниками. Это порождало угрозу саботажа реформ и воспроизводства старых управленческих практик, что казалось многим политикам-реформаторам из окружения Б.Н. Ельцина опаснее открытого противостояния. [17, с. 56]

Избавление от прежней символики, ликвидация центральных и региональных структур КПСС подавались как акты превентивного удара по реваншистским силам [16, с. 199]. При этом ведущие демократические издания конструировали образ опасной коммунистической оппозиции, а любая активность левых сил (в том числе не заявлявших о преемственности с КПСС) подавалась как часть плана по реставрации советского строя.

Общая атмосфера подозрительности и поиска внутреннего врага отчетливо проявилась в регионах. Оренбургский историк Д.П. Мочалов в своих работах приводит множество эпизодов, иллюстрирующих представление о сохранении нелегальных партийных комитетов, их подрывной работе и саботаже. В Челябинске депутаты в ноябре 1991 г. обвиняли председателя областного Совета в сговоре с бывшим обкомом КПСС, якобы организовавшем перебои с хлебом; глава городской администрации Омска объяснял протесты профсоюзов происками партократии; в 1992 г. глава администрации Липецкой области Г.В. Купцов утверждал, что областной Совет находится под контролем подпольного обкома и вместе с областной прокуратурой выполняет тайный план по саботажу рыночных реформ; из Белгородской области и Ставропольского края в газеты поступали письма граждан о том, что местные советы заполнены коммунистами, которые намеренно тормозят реформы, и даже недовольство простых граждан, стоящих в очередях, подогревается действиями бывшей партноменклатуры [17, с. 147-150].

Не стал исключением и Хабаровский край, где смена власти после августа 1991 г. носила поверхностный характер. Уличенные в непринятии мер по сопротивлению ГКЧП председатель краевого Совета народных депутатов Н.Н. Данилюк и председатель край-

исполкома В.В. Литвинов подали в отставку [5, л. 15-16]. Во главе созданной осенью 1991 г. администрации Хабаровского края встал В.И. Ишаев, бывший заместитель В.В. Литвинова, опытный хозяйственник, тесно связанный со своими предшественниками. Это назначение было воспринято местными демократами весьма настороженно. Как отмечал в марте 1992 г. В.М. Десятов, один из лидеров демократического движения в крае, народных депутат СССР, а с августа 1991 г. – представитель Президента России в Хабаровском крае, региональные власти «по сути, сменили вывеску исполкома на администрацию» [14, л. 58]. В.М. Десятов в своих аналитических записках утверждал, что бывшие партийные работники, а также прокуроры, офицеры КГБ и МВД умышленно уничтожали архивы КПСС, [14, л. 1-2], а новые администрации всех уровней сформированы «из числа бывшей номенклатуры, в том числе партийной» и не способны следовать реформаторским курсом [14, л. 71].

В.М. Десятов был далеко не одинок в своих опасениях. Об угрозе номенклатурного реванша сообщали депутаты Хабаровского городского и краевого Советов, представили групп «За демократизацию Советов», «Обновление», «Краевой совет Движения демократических реформ» М. Вовк, И. Галянт, М. Колбаско, Б. Резник и др. начиная с ноября 1991 г., когда заподозрили бывшее партийное руководство Хабаровска в намеренном срыве подготовки к отопительному сезону [13, л. 24-25]. В 1992 г. как прежнее руководство края (Н.Н. Данилюк, В.В. Литвинов), так и пришедшие им на смену глава администрации края В.И. Ишаев и новый председатель краевого Совета И.Н. Цветков неоднократно подвергались критике «демократического лагеря» за медленное проведение земельной реформы и приватизации, опору на бывшую партийно-хозяйственную номенклатуру, сохранению за ней контроля над финансовыми и материальными ресурсами, дискредитацию Президента и Правительства России [14, л. 71]. Большую тревогу В.М. Десятова и его соратников вызвала деятельность Дальневосточной ассоциации советов и ее руководства (включая Н.Н. Данилюка и И.Н. Цветкова). Представитель Президента утверждал, что под видом экономиче-

ской ассоциации создается параллельное правительство региона и идет подготовка к провозглашению Дальневосточной республики [14, л. 26, 33].

В атмосфере всеобщего недоверия и подозрений некоторые активисты из демократического лагеря видели заговоры даже в собственной повседневности. Ярким примером являются письма председателя Хабаровского отделения Демократической партии России Ю.А. Резниченко. В конце октября 1991 г. он направил заявление государственному секретарю России Г.Э. Бурбулису и председателю Демократической партии Н.И. Травкину, описав проникновение в его квартиру (являвшуюся также штаб-квартирой его партии), толкание под машину, слежку, незакрытый вентиль газовой плиты на кухне и т.д. Ю.А. Резниченко напрямую связывал неудачи с действиями политических фигур края (Н.Н. Данилюка, В.В. Литвинова, В.И. Ишаева), которые «где клеветой, где подкупом, где местью стремятся любым путём оставить власть за собой». Спасение же он видел во вмешательстве Москвы и полной смене регионального руководства [15, л. 9-10].

Послание Ю.А. Резниченко

25 марта 1992 г. в В.М. Десятова поступило несколько документов от Ю.А. Резниченко. На этот раз в них содержался целый манифест. Основное послание предваряли две короткие записки-инструкции на имя В.М. Десятова. В них представителю Президента рекомендовалось ознакомиться с материалами либо дома, либо «отойдя на значительное расстояние от письменного стола», намекая на прослушку кабинета [14, л. 17-18]. Затем следовало пространное письмо Б.Н. Ельцину. Документ объёмом 6 машинописных листов представлял собой синкретический текст, сочетающий элементы политического доноса, пророчества и программы действий по спасению человечества. Начав с констатации неустойчивого положения в стране, автор быстро переходил к главному тезису: все негативные явления в России и мире объясняются деятельностью тайного правительства или «Сионского ордена», также именуемого «братством Грааля» [14, л. 19-22].

Глобальная цель заговора, по версии Ю.А. Резниченко, заключалась в сокращении населения Земли путем развязывания Третьей мировой войны, катализатором которой должна была послужить кровь Президента России, приговоренного орденом к ритуальному убийству («жертвоприношению Ваалу») в ходе его ближайшего визита в Хабаровский край. В число заговорщиков автор вписал как мировых лидеров (М.С. Горбачёв, Дж. Буш, М. Тэтчер, Г. Коль, С. Хуссейн), так и региональных политиков, включая Н.Н. Данилюка, а исполнителем был назван депутат краевого Совета и предприниматель В.Е. Цой. Местом сбора заговорщиков автор послания назвал здание краевого совета профсоюзов, где «собираются коммунисты регулярно по средам» [14, л. 18, 25]. Ю.А. Резниченко связывал заговор с критикой реформ в Верховном Совете России, и недавним свержением Президента Грузии З.К. Гамсахурдия [14, л. 22], рассматривая события в Хабаровске как часть общей картины номенклатурного реванша на всем постсоветском пространстве.

Уникальность послания, в сравнении с ранее приведенными примерами из документооборота В.М. Десятова, заключается в его религиозно-мистической составляющей. Ритуал жертвоприношения Ельцина, по мнению Ю.А. Резниченко, должен быть совершён в подземном храме, якобы расположенном под зданием Хабаровского крайкома КПСС и хранящем сакральные артефакты христианской традиции – Копье Лонгина и Чашу Грааля. Посвящение Б.Н. Ельцина в «рыцари-командоры» Мальтийского ордена (реальный факт, освещавшийся в прессе) трактовалось как часть подготовки к заговору. Ю.А. Резниченко отмечал, что ритуал посвящения был проведен с нарушениями, что означает одно: Б.Н. Ельцина приняли в «рыцари» на короткий срок, как обреченную жертву, подобно императору Павлу I [14, л. 19-20].

Завершалось послание «планом спасения». Автор предлагал Б.Н. Ельцину тайно уничтожить тело В.И. Ленина как акт низвержения старого культа, явиться в подземный храм, уничтожить сакральные артефакты и конфисковать золотой запас. В конце послания Ю.А. Резниченко намекал Президенту России на возможность

личной встречи, сообщив о предстоящей поездке на собрание Либеральной фракции Демократической партии [14, л. 25].

Документ успешно прошёл региональный бюрократический фильтр. 3 апреля 1992 г. В.М. Десятов направил в Москву две копии письма – главному государственному инспектору Ю.Ю. Болдыреву и государственному советнику С.М. Шахраю, сопроводив их резолюцией: «Посылаю Вам материал, требующий глубокого анализа… Хотя, по моему, возможно необъективному мнению, автор этих документов имеет некоторые отклонения от обычных форм мышления и выражения мысли» [14, л. 15]. Дальнейшая судьба документа в аппаратных коридорах неизвестна. Упомянутые в письме лица (Данилюк, Цой, бывшие члены крайкома) преследованиям не подвергались. Сведений о попытках связать упомянутый в письме «заговор» с делом хабаровчанина майора И.В. Кислова, намеревавшегося в январе 1993 г. проникнуть в комплекс правительственных зданий на Старой площади для покушения на Б.Н. Ельцина [6], судя по открытым источникам, не предпринималось. Б.Н. Ельцин в ходе своего президентства посетил Хабаровск лишь один раз – в апреле 1996 г. Визит прошёл без происшествий [4, с. 132].

Психологическая характеристика дезадаптивной стратегии совладания в кейсе Ю.А. Резниченко

Письмо Ю.А. Резниченко 1992 г. представляет собой классический пример глубоко дезадаптивной стратегии совладания (копинга) с экзистенциальным кризисом, вызванным радикальной социально-политической трансформацией. Анализ документа позволяет выделить ключевые психологические механизмы, направленные на снижение тревоги и восстановление субъективного чувства контроля, но при этом ведущие к социальной и когнитивной дезадаптации.

В условиях краха привычной советской картины мира (когнитивного диссонанса) в случае Ю.А. Резниченко наблюдается трансформация восприятия действительности путем создания объяснительной системы, где политические процессы, религиозные символы, эзотерические мифы и бытовые наблюдения сплавляются в неразделимый конспирологический конструкт, который стано-

вится выражением формы магического мышления. Наблюдается яркое проявление «герменевтической функции» конспирологии, когда комплексные и травмирующие макропроцессы (распад СССР, экономический коллапс, борьба элит) сводятся к деятельности всемогущего и злонамеренного «тайного правительства». Такой механизм радикально снижает когнитивную нагрузку, устраняя неопределенность, однако делает это ценой полного отрыва от реальности.

Дезадаптивный копинг Ю.А. Резниченко включает жесткую бинарную поляризацию социального мира. Он выстраивает четкую оппозицию: «они» (абсолютное зло) в лице тайного правительства и их местных приспешников. Им приписываются сверхчеловеческие возможности и сакрально-ритуальные практики оккультного характера (жертвоприношение Ваалу). Им противостоят «мы» (спасители), а именно сам Ю.А. Резниченко как носитель тайного знания и, потенциально, Б.Н. Ельцин как фигура, которую можно обратить в союзника. Такая проекция позволяет экстернализировать источник тревоги и беспомощности, превратив страх в конкретного, пусть и фантастического, врага, борьба с которым дает иллюзию осмысленной деятельности и высокой миссии, и, как следствие помогает преодолеть экзистенциальный кризиса утери смысла в эпоху перемен.

Парадокс данной дезадаптивной стратегии заключается в ее субъективно-адаптивной функции для самого автора. Конспирологическая система Резниченко решает несколько острых психологических задач. Во-первых, восстановление чувства контроля и агентности: Ю.А. Резниченко – «агент-спаситель», раскрывший «заговор» и предлагающий конкретный план действий. Обладание «тайным знанием» выделяет его из массы «непосвященных», причисляя к интеллектуальной элите, он вступает в символический диалог с Президентом, позиционируя себя как советника по вопросам государственной важности. Провалы реформ и социальные бедствия объясняются не ошибками новой власти или сложностью переходного периода, а кознями всемогущего врага. Это снимает необходимость критического анализа неудач «своей» стороны, помогает объяснить все провалы новой власти враждебными, вредительскими действиями её противников.

Дезадаптивный копинг Ю.А. Резниченко не возникает в вакууме. Он укоренен в реальных общественных страхах начала 1990-х гг., включая миф о «золоте партии», недоверие к масонским ложам. Его мышление использует эти, пусть и спекулятивные, но актуальные тревоги как сырье для построения системы, связавшей воедино Буша-старшего и Саддама Хуссейна, а также непримиримых антагонистов в политике Хабаровского края – Н.Н. Данилюка и В.Е. Цоя (в одном из более поздних интервью Н.Н. Данилюк подчеркивал невозможность совместной работы с В.Е. Цоем [18]).

Исследования, приведенные в данной статье выше [8; 28] связывают склонность к конспирологическому мышлению с такими чертами, как подозрительность, необычные убеждения, высокая тревожность и сниженные аналитические способности. Несмотря на субъективное облегчение, стратегия является дезадаптивной в социальном плане. Эклектический язык документа, насыщенный сочетанием эзотерического символизма с позднесоветской действительностью, делает его неадекватным для диалога с властью, о чем свидетельствует резолюция В.М. Десятова об «отклонениях от обычных форм мышления». Кроме того, раскрывается и потенциал к опасным действиям: хотя сам Резниченко ограничился лишь посланием, логика «спасения мира» через разрушение сакральных артефактов или борьбу с «агентами заговора» может в других случаях привести к реальному насилию.

Заключение

Послание Ю.А. Резниченко является ценным историческим источником, отражающим один из вариантов индивидуального реагирования на кризисные проявления и социально-политические вызовы переходной эпохи. Его пример демонстрирует, как в условиях острого социокультурного кризиса личность может избрать деструктивную стратегию совладания, основанную на регрессии к конспирологическому мышлению и выполняющую пара-адаптивную функцию, временно снижая тревогу и восстанавливая чувство контроля и значимости через создание альтернативной реальности.

Выявленные документы не позволяют однозначно установить, были ли у автора послания единомышленники, либо он являлся единственным носителем вышеописанной искаженной картины мира. Однако его идеи не являлись изолированным феноменом. Сходные по структуре умозаключения (и зачастую в отношении тех же представителей регионального руководства) можно обнаружить в иных документах фонда В.М. Десятова, в том числе и в аналитических записках, посвященных активности коммунистов, проблеме номенклатурного реванша, сращиванию новой администрации с прежней партийно-хозяйственной бюрократией, использованию оппозицией недовольства граждан для дискредитации Президента и Правительства России. Некоторые их них также воспроизводят логику заговорщической модели, но при этом полностью лишены эзотерического компонента и глобального контекста.

Подобно сообщениям о «заговорах» из других регионов России, послание Ю.А. Резниченко фиксирует характерную для эпохи атмосферу подозрительности и уверенность, что за провалами реформ стоят сознательные действия противников. Принципиальное различие, однако, состоит в том, что у В.М. Десятова и его единомышленников из числа депутатов и представителей демократических организаций данный посыл встраивается в логику российского политического поля, у Ю.А. Резниченко же картина заговора приобретает черты доведенной до крайности конспирологии.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН (FWMU-2026-0011: «Трансформационные и стабилизационные процессы на Дальнем Востоке России в эпоху глобализации: из XX в XXI век»).

Список литературы

1. Ардашев, Р. Г. (2020). Теории заговора в общественном мнении россиян. *Миссия конфессий*, *9*(1), 145–154. EDN: https://elibrary.ru/TLRZLL.
2. Бригадина, О. В. (2017). Жизнь в эпоху перемен: массовое сознание и повседневные практики советского населения в годы перестройки (1985–1991). *Жур-*

нал Белорусского государственного университета. История, (3), 87–93. EDN: https://elibrary.ru/YRXHOP.

3. Ващук, А. С. (2014). Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования. *Россия и АТР*, (4), 5–22. EDN: https://elibrary.ru/TMOXFB.
4. Ващук, А. С., & Коваленко, С. Г. (2024). Визиты Б. Н. Ельцина на Дальний Восток в контексте политики федерального центра в отношении дальневосточных регионов в 1990-е годы. *Новый исторический вестник*, (4), 116–140. DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2024_4_116. EDN: https://elibrary.ru/GSLHBM.
5. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 67.
6. Дорофеев, В., & Панков, Ю. (1993). Дело майора Ивана Кислова. *Коммерсантъ*, 28 января. https://www.kommersant.ru/doc/38195 (дата обращения: 25.01.2026).
7. Кадурина, Н. В. (2013). Конспирологические подходы к репрезентации политических процессов. *Russian Journal of Education and Psychology*, (6), 26. DOI: https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-57. EDN: https://elibrary.ru/RAHDJD.
8. Казун, А. Д. (2022). Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы. *Экономическая социология*, *23*(2), 91–117. DOI: https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117. EDN: https://elibrary.ru/YINBGD.
9. Карпоян, С. М. (2011). Отрицательные модальные оценки в интернет-комментарии. *Научная мысль Кавказа*, (3), 115–119. EDN: https://elibrary.ru/OGHAED.
10. Ковалевская, Ю. Н. (2016). Социальные трансформации 1990-х годов как фактор формирования кризисной повседневности дальневосточников (по результатам полевых исследований). *Региональные проблемы*, *19*(4), 109–116. EDN: https://elibrary.ru/XIAMLP.
11. Ковалевская, Ю. Н. (2023). Работа памяти: нарративы дальневосточников о 1990-х гг. в кратковременной и долговременной перспективе. *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*, *42*, 141–154. DOI: https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-141-154. EDN: https://elibrary.ru/KBYKYR.
12. Коваленко, С. Г. (2025). Критика и десакрализация КПСС на Дальнем Востоке в 1985–1993 гг. *Россия и АТР*, (4), 32–47. DOI: https://doi.org/10.24412/1026-8804-2025-4-32-47. EDN: https://elibrary.ru/JDFTRR.
13. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 85.
14. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 92.
15. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. Р-227. Оп. 1. Д. 100.
16. Любичанковский, С. В. (2019). «…Партия выходит из меня»: размышления рядового коммуниста (на материалах дневника Л. Н. Большакова конца 1980-х – начала 1990-х годов). *Вестник Оренбургского государственного педагогическо-*

го университета. Электронный научный журнал, (2), 190–201. DOI: https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.30.11. EDN: https://elibrary.ru/WFQZSE.

17. Мочалов, Д. П. (2025). *Государственная политика в отношении коммунистических партий и движений на начальном этапе радикальных реформ (1991–1992 гг.)* (дис. … канд. ист. наук). Оренбург. 194 с.
18. Николай Данилюк рассказал свою правду о краевой власти. (2011). *Дебри-ДВ*, 29 июля. http://debri-dv.com/article/4141.
19. Прилуцкий, А. М. (2024). Прагматика конспирологических мифологем. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, (3), 124–135. DOI: https://doi.org/10.35231/18186653_2024_3_124. EDN: https://elibrary.ru/OUMFLJ.
20. Субботский, Е. В. (2005). Коммуникация и магическое мышление. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, *51*(7), 191–192.
21. Сухова, Е. В. (2014). Понятие «копинг-стратегии» и пример асоциальных копинг-стратегий. *Прикладная юридическая психология*, (1), 76–83. EDN: https://elibrary.ru/RXWYGR.
22. Тощенко, Ж. Т. (2015). *Фантомы российского общества*. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга. https://www.isras.ru/files/File/publ/Toschenko_Fantomy_2015.pdf.
23. Шамякина, Т. И. (2022). Творческий поиск и мифы массового сознания в конце эпохи социализма. *София: электронный научно-просветительский журнал*, (2), 63–68. EDN: https://elibrary.ru/VVQQGX.
24. Barkun, M. (2013). *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Oakland, CA: University of California Press. DOI: https://doi.org/10.1525/california/9780520276826.001.0001.
25. Hettich, N., Beutel, M., Ernst, M., Schliessler, C., Kampling, H., Kruse, J., & Braehler, E. (2022). Conspiracy endorsement and its associations with personality functioning, anxiety, loneliness, and sociodemographic characteristics during the COVID-19 pandemic in a representative sample of the German population. *PLOS ONE*, *17*, e0263301. DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263301. EDN: https://elibrary.ru/IXGHNL.
26. Sen, A., & Zadrozny, B. (2020). QAnon groups have millions of members on Facebook, documents show. *NBC News*, 11 августа. https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/qanon-groups-have-millions-members-facebook-documents-show-n1236317 (дата обращения: 09.02.2026).
27. Stasielowicz, L. (2022). Who believes in conspiracy theories? A meta-analysis on personality correlates. *Journal of Research in Personality*, *98*, 104229. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104229. EDN: https://elibrary.ru/RBZQWE.
28. Swami, V., Weis, L., Lay, A., Barron, D., & Furnham, A. (2016). Associations between belief in conspiracy theories and the maladaptive personality traits of the per-

sonality inventory for DSM-5. *Psychiatry Research*, *236*, 86–90. DOI: https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.027.
29. Van der Linden, S. (2015). The conspiracy-effect: Exposure to conspiracy theories (about global warming) decreases pro-social behavior and science acceptance. *Personality and Individual Differences*, *87*, 171–173. DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045.
30. Van Prooijen, J. (2019). An Existential Threat Model of Conspiracy Theories. *European Psychologist*, *25*(1), 16–25. DOI: https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000381. EDN: https://elibrary.ru/CIUYJD.

References

1. Ardashev, R. G. (2020). Conspiracy theories in the public opinion of Russians. *Mission of Confessions*, *9*(1), 145–154. EDN: https://elibrary.ru/TLRZLL.
2. Brigadina, O. V. (2017). Life in an era of change: Mass consciousness and everyday practices of the Soviet population during perestroika (1985–1991). *Journal of the Belarusian State University. History*, (3), 87–93. EDN: https://elibrary.ru/YRXHOP.
3. Vashchuk, A. S. (2014). Perestroika in the Russian Far East in the subjective perceptions of contemporaries: Hopes for social modernization and disappointments. *Russia and the Pacific*, (4), 5–22. EDN: https://elibrary.ru/TMOXFB.
4. Vashchuk, A. S., & Kovalenko, S. G. (2024). B. N. Yeltsin's visits to the Far East in the context of the federal center's policy toward the Far Eastern regions in the 1990s. *New Historical Bulletin*, (4), 116–140. DOI: https://doi.org/10.54770/20729286_2024_4_116. EDN: https://elibrary.ru/GSLHBM.
5. State Archive of Khabarovsk Krai. Fond R-2039, Inventory 1, File 67.
6. Dorofeev, V., & Pankov, Yu. (1993). The case of Major Ivan Kislov. *Kommersant*, January 28. https://www.kommersant.ru/doc/38195 (accessed: 25.01.2026).
7. Kadurina, N. V. (2013). Conspiratorial approaches to the representation of political processes. *Russian Journal of Education and Psychology*, (6), 26. DOI: https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-57. EDN: https://elibrary.ru/RAHDJD.
8. Kazun, A. D. (2022). Conspiratorial thinking: Concept, measurement, and factors. *Economic Sociology*, *23*(2), 91–117. DOI: https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117. EDN: https://elibrary.ru/YINBGD.
9. Karpoyan, S. M. (2011). Negative modal evaluations in internet comments. *Scientific Thought of the Caucasus*, (3), 115–119. EDN: https://elibrary.ru/OGHAED.
10. Kovalevskaya, Yu. N. (2016). Social transformations of the 1990s as a factor in shaping the crisis everyday life of Far Easterners (based on field research). *Regional Problems*, *19*(4), 109–116. EDN: https://elibrary.ru/XIAMLP.
11. Kovalevskaya, Yu. N. (2023). The work of memory: Far Easterners' narratives about the 1990s in short-term and long-term perspective. *Proceedings of the Institute of*

History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, *42*, 141–154. DOI: https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-141-154. EDN: https://elibrary.ru/KBYKYR.

12. Kovalenko, S. G. (2025). Criticism and desacralization of the CPSU in the Far East in 1985–1993. *Russia and the Pacific*, (4), 32–47. DOI: https://doi.org/10.24412/1026-8804-2025-4-32-47. EDN: https://elibrary.ru/JDFTRR.
13. Komsomolsk-on-Amur City Archive. Fond R-227, Inventory 1, File 85.
14. Komsomolsk-on-Amur City Archive. Fond R-227, Inventory 1, File 92.
15. Komsomolsk-on-Amur City Archive. Fond R-227, Inventory 1, File 100.
16. Lyubichankovsky, S. V. (2019). "...The party is leaving me": Reflections of an ordinary communist (based on the diary of L. N. Bolshakov from the late 1980s to the early 1990s). *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, (2), 190–201. DOI: https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.30.11. EDN: https://elibrary.ru/WFQZSE.
17. Mochalov, D. P. (2025). *State policy toward communist parties and movements at the initial stage of radical reforms (1991–1992)* (Cand. Sci. dissertation in History). Orenburg. 194 pp.
18. Nikolai Danilyuk tells his truth about the regional authorities. (2011). *Debri-DV*, July 29. http://debri-dv.com/article/4141.
19. Prilutsky, A. M. (2024). The pragmatics of conspiratorial mythologemes. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, (3), 124–135. DOI: https://doi.org/10.35231/18186653_2024_3_124. EDN: https://elibrary.ru/OUMFLJ.
20. Subbotsky, E. V. (2005). Communication and magical thinking. *Izvestiya of the Southern Federal University. Technical Sciences*, *51*(7), 191–192.
21. Sukhova, E. V. (2014). The concept of "coping strategies" and an example of asocial coping strategies. *Applied Legal Psychology*, (1), 76–83. EDN: https://elibrary.ru/RXWYGR.
22. Toshchenko, Zh. T. (2015). *Phantoms of Russian Society*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. https://www.isras.ru/files/File/publ/Toschenko_Fantomy_2015.pdf.
23. Shamyakina, T. I. (2022). Creative inquiry and myths of mass consciousness at the end of the socialist era. *Sofia: Electronic Educational and Enlivening Journal*, (2), 63–68. EDN: https://elibrary.ru/VVQQGX.
24. Barkun, M. (2013). *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Oakland, CA: University of California Press. DOI: https://doi.org/10.1525/california/9780520276826.001.0001.
25. Hettich, N., Beutel, M., Ernst, M., Schliessler, C., Kampling, H., Kruse, J., & Braehler, E. (2022). Conspiracy endorsement and its associations with personality functioning, anxiety, loneliness, and sociodemographic characteristics during the

COVID-19 pandemic in a representative sample of the German population. *PLOS ONE*, *17*, e0263301. DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263301. EDN: https://elibrary.ru/IXGHNL.
26. Sen, A., & Zadrozny, B. (2020). QAnon groups have millions of members on Facebook, documents show. *NBC News*, August 11. https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/qanon-groups-have-millions-members-facebook-documents-show-n1236317 (accessed: 09.02.2026).
27. Stasielowicz, L. (2022). Who believes in conspiracy theories? A meta-analysis on personality correlates. *Journal of Research in Personality*, *98*, 104229. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104229. EDN: https://elibrary.ru/RBZQWE.
28. Swami, V., Weis, L., Lay, A., Barron, D., & Furnham, A. (2016). Associations between belief in conspiracy theories and the maladaptive personality traits of the personality inventory for DSM-5. *Psychiatry Research*, *236*, 86–90. DOI: https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.027.
29. Van der Linden, S. (2015). The conspiracy-effect: Exposure to conspiracy theories (about global warming) decreases pro-social behavior and science acceptance. *Personality and Individual Differences*, *87*, 171–173. DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045.
30. Van Prooijen, J. (2019). An Existential Threat Model of Conspiracy Theories. *European Psychologist*, *25*(1), 16–25. DOI: https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000381. EDN: https://elibrary.ru/CIUYJD.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Воронцов Николай Степанович, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
ул. Пушкинская, 89, г. Владивосток, 690001, Российская Федерация
nsv91@yandex.ru

Шибаев Владимир Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского
ул. Верхнепортовая, 50а, г. Владивосток, 690059, Российская Федерация
wladimirdw@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nikolay S. Vorontsov, PhD in History, Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation
nsv91@yandex.ru
SPIN-code: 4846-8330
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2755-3804

Vladimir S. Shibaev, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology
Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University
50a, Verkhneportovaya Str., Vladivostok, 690059, Russian Federation
wladimirdw@gmail.com
SPIN-code: 5196-9847
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1702-0721
ResearcherID: L-5422-2017
Scopus Author ID: 55799874500
Academia.edu: https://independent.academia.edu/BWShibaev
ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Vladimir-Shibaev

Поступила 20.07.2026
После рецензирования 21.08.2026
Принята 25.08.2026

Received 20.07.2026
Revised 21.08.2026
Accepted 25.08.2026